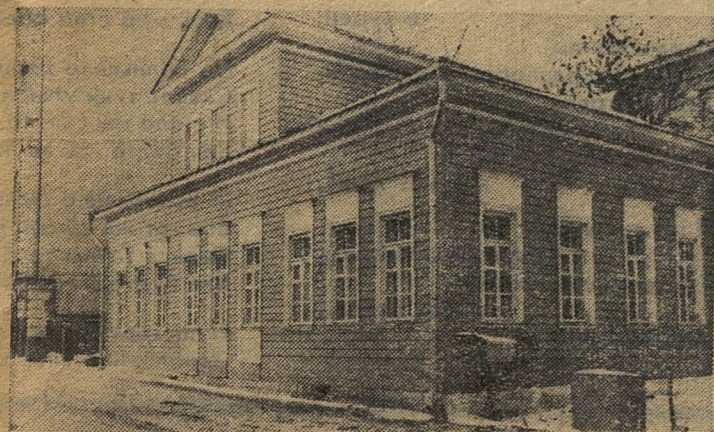

ДОМ ПОЭТА

СКОЛЬКО раз, проходя мимо дома на Малой Молчановке, я представляла себе тот весенний день 1830 года, пасмурный, а может быть, освещенный мартовским солнцем, когда Елизавета Алексеевна Арсеньева вместе со своим внуком Мишей Лермонтовым и племянником А. П. Шан-Гиреем переехала сюда, в дом вдовы купца Чернова! И, наверное, шестнадцатилетний юноша, живой, непоседливый, мигом обжег все комнаты нижнего этажа, затем по узенькой деревянной лестнице поднялся наверх, в мезонин, в свою комнату. И оттуда, быть может, посмотрел на дом, что стоял напротив через улицу. Вскоре, он еще не знал этого, здесь будет жить Варенька Лопухина.

Я помнила это из книг, из стихов и писем Лермонтова, теперь об этом услышит каждый, кто придет в Дом-музей поэта, открывающийся на Малой Молчановке, в доме № 2. Этого значительного события в культурной жизни страны ждали давно. Нелегка и кропотлива, а потому длительна работа архитекторов-реставраторов, которые должны были в многочисленных культурных слоях почти двухвекового здания найти тот самый, лермонтовский, 1830—1832 годов!

Было множество споров, сомнений, поисков: существовал ли в то время камин или его построили позже, какими были двери, оконные рамы, лестничные балясины? И вот наконец работы завершены. Изменился внешний вид особняка — исчезли боковые, сдавливающие его пристройки и он, обновленный и праздничный, предстал перед нами таким, каким видел его юный поэт.

Но главное — «одушевить» дом, воссоздать здесь ту любовную семейную, а вместе с тем молодую, кипучую атмосферу, которая окружала Лермонтова — воспитанника Университетского благородного пансиона, а затем студента Московского университета. К сожалению, нигде, ни

в воспоминаниях современников, ни в письмах, не сохранилось описаний этого дома. Так что сотрудникам музея пришлось буквально по крупицам, по косвенным признакам, по ранним произведениям поэта, написанным в этих стенах (известно, что Лермонтов был очень точен в деталях), воссоздавать интерьер.

Мы входим в комнату, которая откроет экспозицию музея. Она пуста. Лишь со стены на нас смотрит сам поэт. Печальные и задумчивые его глаза, горькая складка у губ, он будто предчувствует свою скорую гибель. Перед нами автопортрет Лермонтова в бурке, рисованный им на Кавказе в 1837 году для Вареньки Лопухиной. Этот портрет долгое время находился за границей, и лишь в 1962 году И. А. Андроников нашел его в ФРГ и привез на родину. Постойм перед ним, вспомним яркую и короткую жизнь поэта...

Следующая комната — «бабушкина», как называют ее сотрудники музея. Елизавета Алексеевна Арсеньева безумно любила внука, воспитала его, посвятила ему всю свою жизнь. Портреты маленького Лермонтова, А. А. Столыпина (Монго), картина «Парк в Тарханах» рассказывают о семейственных связях, о первых впечатлениях детства. Обстановка кабинета Е. А. Арсеньевой типична для дворянских домов их круга: вольтерсовское кресло, столик для рукоделия с бисерной вышивкой, шкаф красного дерева, скамеечка для ног, палка.

На письменном столе — альманах «Цефей» за 1829 год. Здесь были опубликованы «Первые опыты молодых писателей», воспитанников Университетского благородного пансиона. Рядом «Курс математики» Безу, на шмуцтитуле рукою поэта — автограф: «Michel Lermantoff» — подлинный учебник воспитанни-

ка пансиона. Современники вспоминают, что бабушка так близко к сердцу принимала все: дела внука, что даже вместе с ним учила греческий язык. Свидетельство тому — русско-греческий словарь в кабинете Арсеньевой.

Елизавета Алексеевна любила, чтобы у Миши бывали друзья, дом ее славился хлебосольством. В малой и большой гостиных на Молчановке собиралась московская молодежь — Лопухины, жившие напротив, три сестры — Мария, Елизавета и Варенька. Неподалеку жили и Сушновы, «чернооная» Катрин, или Блек-айз, как звали ее близкие друзья, долгое время занимала мысли и чувства юного поэта. Была здесь и ее подруга Александрина Верещагина, а может быть, и Надежда Иванова, знаменитая Н. Ф. И., которой адресован целый цикл прекрасных лирических стихотворений, написанных в эти годы. Среди университетских приятелей Лермонтова мы знаем А. Захаревского, Н. Поливанова, двух Шеншиных, А. Лопухина.

О чем только не спорили, не говорили здесь! Еще жив был в памяти грозный и победный 1812 год. Известно, что бабушка выписывала для Лермонтова почти все европейские газеты и журналы. А события, происходившие в Европе в 1830 году! Освободительная война в Польше, революция во Франции, да и свои, русские события... Ведь всего пять лет отделяют их от 1825 года. Все это, конечно же, находило отклик в разговорах молодежи, а затем и в стихах поэта. Многие из них — «Пир Асмодея», «Из Андрея Шенье», «***» («О, полно извигать разврат!..»), поэма «Последний сын вольности» — звучат остро, злободневно, в них уже слышен голос того, кто всего через несколько лет открыто займется «свободы, гения и славы» палачей, убивших рукою Дантеса славу России.

На полке секретера — книги В. Скотта, Шекспира, которые Лермонтов, изучавший английский, много читал и переводил. На столике, стоявшем когда-то в усадьбе Столыпиных, в Середникове под Москвой, где Лермонтов проводил летние каникулы, — раскрытый номер журнала

«Атаней» за 1830 год. В четвертой его части опубликовано первое стихотворение юноши — «Весна», подписанное буквой «L».

А рядом, в соседней комнате, музицировали. На рояле — ноты концерта для скрипки Л. Мауэра, который юный поэт исполнял на «испытаниях в искусствах» 21 декабря 1829 года в пансионе; клавиш оперы Кавоса «Князь Невидимка», первой услышанной Лермонтовым в Москве...

Обращает на себя внимание большая черно-белая полосатая книга: На обложке — рисунки мужских и женских голов, какие-то каблистические знаки. Эта книга сделана «по случаю одного маскарада в Благородном собрании», вспоминает Аким Шан-Гирей, — куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб под мышкой, в этой книге должность каблистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой страничке...

Казалось бы, «маскарадная» книга — просто забавная вещица, но нет. Это — первая ниточка к будущему лермонтовскому «Маскараду»... И вообще, пожалуй, все, что создано поэтом в эти два года, считают сотрудники музея, — узелки его будущих великих произведений. Читаем «Поле Бородина» и вспоминаем «Бородино»; в стихотворении «Исповедь» — тема, разработанная потом в поэме «Мцыри»; драма «Странный человек» — первый робкий набросок будущего Печорина; здесь, на Молчановке, появились и первые варианты «Демона».

Вот в этой комнате, в мезонине, рождались его строки, здесь билась его мысль, ловя исчезающий образ... На секретере множество листов, исписанных быстрым мелким почерком, раскрытая тетрадь с рисунками на полях. Рядом с рукописями — портрет отца, Ю. П. Лермонтова. Свою разлуку с ним и его смерть поэт очень переживал...

Живописному наследию поэта отводится большое место в экспозиции. Вся уникальная коллекция Государственного Литературного музея — подлинные рисунки, акварели, картины Лермонтова — включена в экспозицию молодого музея.

...Спускаясь по узкой крутой лесенке, я вспоминаю строки, написанные в этих стенах:

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно,
Хочу, чтоб труд мой
вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет...

Исполнилась мечта Лермонтова. Он остался с нами, в городе, который так любил. «...Москва не есть обыкновенный большой город», — писал он, — «каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. ...Каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись... обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..»

И вот теперь в Москве появился его дом, куда можно прийти в гости к поэту, вспомнить его стихи, услышать рассказ о его жизни.

Елена СНЕЖКО